

№ I, 4, 17, № 8

Коялович М.

XXI 2-14

первая

№ 93

БИБЛИОТЕКА
 О-ва для достав. средств
 В. Ж. КУРСАМЪ.

БИБЛИОТЕКИ
 Егора Егоровича
 ЗАМЫСЛОВСКАГО

87/97

Церков. Вест.

На этнографической границѣ бѣлорусскаго и малорусскаго племени.

Из № 5-6
 1887.

Изъ Минска я направился въ гродненскую губернію и остано-
 вился въ одномъ городѣ, расположенномъ на самой границѣ, раз-
 дѣляющей бѣлорусское и малорусское племена. Я всегда дорожилъ
 случаями, когда приходилось бывать въ такихъ мѣстностяхъ въ
 прежнія мои путешествія по западной Россіи. Весьма любопытно
 наблюдать въ такихъ мѣстахъ переливы, смѣшеніе особенностей
 того и другого племени и въ высшей степени важно видѣть, какъ
 возвышается надъ всеми этими видоизмѣненіями коренное единство
 всехъ трехъ племенъ русскаго народа, великорусскаго, малорус-
 скаго и бѣлорусскаго, и очевиднѣйшимъ образомъ доказываетъ не-
 лѣпость всякихъ русскихъ сепаратизмовъ, такъ что я совѣтовалъ
 бы всемъ нашимъ сепаратистамъ побывать гдѣ-либо на одной изъ
 русскихъ, нашихъ племенныхъ этнографическихъ границъ и приг-
 лядѣться, какъ тамъ ихъ теорія разлетается въ пухъ и прахъ. На
 этотъ разъ я могъ все это видѣть гораздо яснѣе, чѣмъ въ преж-
 нія мои путешествія, потому что прожилъ на одномъ изъ такихъ
 пунктовъ гораздо больше времени.

Какая тутъ тишина и спокойствіе! Сначала я думалъ, не есть
 ли это мое чисто субъективное настроеніе, къ которому естественно
 могли меня расположить тяжелыя минскія впечатлѣнія. Но нѣтъ!
 Тишина и спокойствіе дѣйствительно сами собою бросаются въ глаза
 въ той мѣстности. Страна равнинная, рѣдко гдѣ разнообразится
 незначительными возвышеніями. Камня меньше и меньше и онъ
 усердно подбирается на мостовыя даже въ деревняхъ, потому что
 тамъ нерѣдко бываетъ чисто малороссійская грязь. Замѣтенъ уже
 слой чернозема; хлѣба густые и высокіе. Часто попадаются и обы-
 чные показатели хлѣбнаго плодородія, вѣтряныя мельницы даже
 группами, по двѣ, по три. Тоже показываютъ и почтенные, при-
 ближающіеся къ малороссійскимъ, длинныя возы, такъ называемыя

*

Колонна М

2 2 2 2 2 2
F881

тамъ драбины, на которыя можно уложить солидный грузъ. Дома чаще всего основательно построены и нерѣдко даже сараи выстроены изъ такого толстаго дерева, какаго нигдѣ нельзя видѣть въ петербургскихъ дачахъ, а у нѣкоторыхъ жидовъ лежитъ еще и про запасъ прекрасное, строевое дерево. Тутъ по близости знаменитая Бѣловѣжская пуца, щедро и какъ бы безъ всякой боязни за свое истощеніе, раздающая свои богатства и въ ближнія и въ весьма дальнія, даже иностранныя мѣста*). При домахъ сады, цвѣтники съ богатою растительностію. Георгины въ самомъ началѣ іюля въ полномъ, роскошномъ цвѣтѣ и растутъ большими кустами выше человеческого роста. Плющъ прикрываетъ балконы такимъ густымъ зеленымъ покровомъ, что не только свѣтъ, но и дождь не легко черезъ него проникаетъ, а вишневья деревья точно облиты темно-красною краской,—такое множество на нихъ вишенъ!

Народъ здѣсь еще почти все бѣлоруссы, но уже иные бѣлоруссы, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ западной Бѣлоруссіи. Они сложены крѣпче, плечи шире, бѣлорусской нервности, подвижности меньше. Въ ихъ говорѣ меньше бѣлорусскихъ звуковъ—ц и дз, и замѣтно уже употребленіе твердыхъ малороссійскихъ гласныхъ звуковъ. Пѣсни женщинъ раздаются чаще и звонче, а когда пѣвицы воодушев-

*) И какія бываютъ иногда чудеса этой щедрости! Поселился, говорятъ, (давно это было) въ этой пуцѣ одинъ жидъ на мельницѣ. Много ли, кажется можно было намолотъ благоденствія на мельницѣ въ лѣсной пуцѣ, а намолотось у него такое благоденствіе, что, говорятъ, послужило основою для богатства одного изъ петербургскихъ банкировъ его сына или внука. Бѣловѣжскіе дубы какимъ-то образомъ молились на этой мельницѣ. Щедрость этой пуцы простирается и за предѣлы Россіи, и вызываетъ тамъ не только практическія, но и поэтическія наклонности. Въ Германіи, вѣроятно, уже не много осталось знатныхъ людей, которые бы еще не ѣздили въ эту пуцу пострѣлять историческихъ, единственно въ Россіи (кромѣ Америки), сбереженныхъ зубровъ, и, конечно, кстаті посмотрѣть на величественные бѣловѣжскіе дубы, столь пригодные для быстро вырастающаго германскаго флота. Частые любезныя наѣзды на Бѣловѣжскую пуцу знатныхъ нѣмцевъ вызвали тамъ даже особую обязательную любезность съ нашей стороны. Въ служебномъ составѣ охранителей этой пуцы очень много нѣмцевъ, говорятъ, просто ради нѣмецкаго діалекта. Но уже и тутъ начинаютъ тѣснить нѣмцевъ. Въ ихъ среду уже пробивается русскій поповичъ даже изъ внутреннихъ губерній,—этотъ, можно сказать, историческій воля русской земли, работающій на всѣхъ ея путяхъ, гдѣ требуется терпѣливый, упорный трудъ.

ляются, то вдругъ переходятъ на чисто малороссійскія пѣсни. Очевидно, смѣшеніе съ малороссами сильно тутъ подѣйствовало на бѣлоруссовъ. Сильно подѣйствовало на нихъ и малороссійское упорное пребываніе въ своихъ старыхъ нравахъ и обычаяхъ. Самодѣльное крестьянское сукно уже чаще темнаго цвѣта и въ большомъ употребленіи. Сильна еще домашняя выработка и другихъ тканей. Я однажды былъ пораженъ костюмомъ на одномъ пожиломъ крестьянинѣ или мѣщанинѣ, навѣрное не знаю. Пиджакъ, брюки и жилетъ изъ одной матеріи и какъ разъ такой, по способу тканья, какая недавно была въ модѣ въ Петербургѣ, т. е. по рисунку плетенки. Оказалось, что это матерія домашнего, крестьянскаго производства, и жиду пришлось тутъ приложить только искусство кройки и шитья, да и то еще неизвѣстно, жидъ ли произвелъ этотъ модный костюмъ.

Въ женской средѣ народныя одежды держатся еще ярче, и близки къ извѣстнымъ малороссійскимъ одеждамъ или и совсѣмъ тѣ же. Я видѣлъ даже почтенную старину, кажется, впрочемъ, мѣстную: на мѣщанкахъ оригинальный головной уборъ величиной съ рѣшето. Это большой искусно во всѣ стороны распущенный и подобранный платокъ, изобилующій яркими цвѣтами.

Малороссовъ въ этомъ городѣ, кажется, очень мало. Болѣе и болѣе плотными группами они живутъ въ деревняхъ къ югу отъ этого города и появляются въ немъ обыкновенно въ праздники. И въ средѣ деревенскихъ и тѣмъ болѣе городскихъ малороссовъ встрѣчаются часто уже совсѣмъ обблорусившіеся. Въ лицѣ ихъ и движеніяхъ бѣлорусская мягкость; цвѣтъ волосъ ближе къ русому и бѣлорусому. Но даже обблорусившіеся малороссы твердо держатся внѣшнихъ своихъ особенностей, — одежды, стрижки волосъ и особенно историческихъ хохлацкихъ усовъ и степенности.

И въ малороссахъ и въ бѣлоруссахъ той мѣстности еще больше бросается въ глаза ихъ великая твердость церковная. Муравьевская соборная церковь полна народа, и какая торжественность у молящихся и поющихъ! Даже интеллигенція, которая, какъ извѣстно, рѣдко гдѣ хорошо держитъ себя въ церквахъ, здѣсь какъ будто сдержаннѣе, степеннѣе, а церковный староста производилъ на меня глубокое впечатлѣніе, и я увѣренъ, что художникъ непременно остановился бы передъ нимъ, какъ передъ выдающимся типомъ. Въ лицѣ удивительная красота старости и еще болѣе уди-

вительная серьезность во всякомъ движеніи и при всякомъ, видимому, мелочномъ дѣйствіи; а когда онъ обходитъ церковь съ тарелкой, то кажется, онъ священнодѣйствуетъ. Такое глубокое сознаніе святости дѣла свѣтится въ его лицѣ.

Даже жиды въ этой мѣстности точно особые жиды. Не видно въ нихъ обычной жидовской юркости, привычки все шнырять по улицамъ, толпиться на проѣзжихъ и проходныхъ мѣстахъ. Тутъ они гораздо терпѣливѣе выносятъ и запретъ торговать въ христіанскіе праздники во время православнаго богослуженія, спокойно дожидаются окончанія церковной службы, и хотя затѣмъ приходятъ, конечно, въ большое движеніе, но я не замѣчалъ, чтобы у нихъ были такіе возбужденные, воспаленные глаза, на торгу, среди покупателей, какъ видѣлъ это въ другихъ мѣстахъ, когда не разъ казалось, что жидъ уже однимъ своимъ взглядомъ пожиралъ покупателя со всѣмъ его добромъ, какъ голодный звѣрь при видѣ беззащитной жертвы.

Тамошніе жиды иногда погружаются въ совершенную патриархальность и воскрешаютъ совсѣмъ теперь выведенные обычаи. Напримеръ: строить себѣ жидъ новый домъ и вдругъ завалилъ бревнами почти всю улицу. Случись кому идти тутъ или ѣхать ночью, и было бы несчастіе, да и волненіе поднялось бы въ этомъ тихомъ городѣ. Или: два ревнителя талмудическаго ученія, живущіе на противоположныхъ сторонахъ улицы порѣшили осуществить заботы предписанія ихъ закона, — устроить шабасовый телеграфъ между собою, и потому, ничего не говоря, протянули черезъ улицу на шестахъ проволоку отъ одного дома къ другому. Случись вступать въ городъ кавалеріи особенно съ пиками, и нельзя было бы войти иначе, какъ наклонивъ не только пики, но и головы, какъ это дѣлается при нападеніи на непріятеля, что было бы уже ни съ чѣмъ несообразно въ такомъ мирномъ городѣ.

Но это жидовское самозабвеніе бываетъ лишь очень кратковременно. Старый и опытный въ дѣлахъ тамошній градоправитель точно предчувствуетъ эти жидовскія посползованія къ нарушенію городского благочинія, и какъ разъ оказывается тутъ, на самомъ мѣстѣ преступленія, и грозно спрашиваетъ: «это что? кто позволилъ?» И спокойно, безъ длинной процедуры и какихъ-либо неудобныхъ послѣдствій, все приводится въ надлежащій порядокъ, и опять

«быть тишина по всей земли», как выражались иногда наши древніе лѣтописцы.

Самая рѣка, протекающая черезъ описываемый нами городъ, не смотря на то, что составилась изъ двухъ рѣкъ, и старожилы говорятъ, еще не очень давно была судоходною, какъ бы сочла нужнымъ послѣдовать общему тамъ спокойному теченію жизни и со-всѣмъ обмелѣла въ великой радости жиденять, свободно и безопасно наслаждающихся въ ея небольшой водѣ и великой грязи.

Но неужели въ этой тихой и мирной мѣстности, но въ этомъ все-таки довольно значительномъ городѣ нѣтъ умственного движенія, нѣтъ современныхъ задачъ жизни, требующихъ энергіи и живой дѣятельности? Конечно есть! Есть тамъ, если пристальнѣе взглядѣться, и возбужденіе ума, даже большое, и дѣятельность, даже энергическая.

Замѣчательно, что выдающиеся пункты, гдѣ связывается умственное возбужденіе и сильная дѣятельность, все расположены по окраинамъ того города на этнографической бѣлорусско-малорусской границѣ, который мы описываемъ.

На одной окраинѣ удивительный домъ мѣстнаго старожилы—батьюшки. Тутъ свѣтится ярый свѣтъ просвѣщенія, даже высшего. Половина дѣтей этого батьюшки работаетъ въ области высшихъ знаній и работаетъ не только сильно, но уже и съ великою честію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь разливается и свѣтъ высокихъ христіанскихъ добродѣтелей и христіанской простоты жизни. Старикъ батьюшка поражаетъ и пастырскою мудростію и сердечною, благодушнѣйшею простотою обращенія и жизни. Все члены этой семьи держатся крѣпко другъ за друга на жизненномъ пути, и какъ просто, какъ незамѣтно, кажется и для нихъ самихъ, они возвышаются надъ трудностями жизни и сохраняютъ бодрость духа! Тутъ же я видѣлъ и еще одну патріархальность, которая въ нынѣшнія времена уже очень рѣдко гдѣ встрѣчается. Живетъ въ домѣ уже около тридцати лѣтъ и совсѣмъ слилась съ семьею почтеннѣйшая няня, нянчившая всехъ дѣтей, которыя теперь уже все на своихъ ногахъ и, кромѣ одного подростка, все взрослые. Трудно оторвать глаза, когда видишь, какъ она при гостяхъ внимательно наблюдаетъ изъ сосѣдней комнаты и очевидно наслаждается, что эти нѣкогда малыши, перебывавшіе на ея рукахъ и ея попеченіи, теперь уже самостоятельно дѣйствуютъ и ведутъ умную бесѣду съ гостями.

На другомъ концѣ города глубокой старецъ,—русскій предводитель мѣстнаго дворянства. Онъ съ великою сердечностію чтить имя И. С. Аксакова и внимательно слѣдитъ за явленіями русско-славянскаго міра. Въ его домѣ съ высокимъ просвѣщеніемъ совмѣщается и изящное искусство. Его жена—почтеннѣйшая старушка любитъ живопись и ея кисть до сихъ поръ сохраняетъ и гибкость и твердость. Всеобщее уваженіе и русскихъ и не русскихъ людей окружаетъ этого несомнѣнно твердаго и несомнѣнно гуманнаго русскаго человѣка. Совмѣщеніе этихъ качествъ—довольно обычное явленіе въ средѣ лучшихъ славянофиловъ, и я думаю, это должны признать даже враги славянофильства.

На третьемъ концѣ города—мѣстный представитель военной силы, видный, въ полномъ цвѣтѣ силъ, степенный и—совершенная Москва. Я съ наслажденіемъ вслушивался, какъ онъ выяснялъ великое историческое значеніе Москвы и московскихъ возрѣній, и очень жалѣю, что не пришлось мнѣ видѣться съ нимъ чаще и побесѣдовать побольше.

На четвертомъ концѣ города—совмѣщеніе даже нѣсколькихъ выдающихся явленій тамошней жизни. У конца улицы, которая тутъ обрывается, въ живописномъ углубленіи, обрамленномъ великолѣпными тополями и другими деревьями, виднѣтся красивый каменный помѣщичій домъ. Тутъ когда-то жилъ и, говорятъ, весьма уединенно ученый польскій мужъ, обладатель громадной библіотеки. Теперь уже давно нѣтъ ни этого ученаго мужа, ни его знаменитой библіотеки. Осталось объ этомъ одно воспоминаніе и ведется тутъ лишь обычное помѣщичье хозяйство.

Но у этого поэтическаго уголка, въ концѣ улицы, какъ бы для возбужденія потухшей польской старины, по лѣвой сторонѣ—новый каменный костель для сильно оскудѣвшаго въ тамошней странѣ латинства; тутъ же однако, какъ бы въ противовѣсъ этому, на другой сторонѣ улицы, утвердилась новая русская сила—судебная, вооруженная тутъ и старою западно-русскою силою—большимъ знаніемъ мѣстныхъ особенностей, которое приобрѣтено почтеннымъ судьей въ большихъ и долговременныхъ разѣздахъ на прежней его службѣ въ сосѣднихъ по губерніямъ пинскихъ болотистыхъ захолустьяхъ, гдѣ однажды признавъ былъ пропавшимъ безъ вѣсти и замѣненъ другимъ мѣстнымъ исправникъ, потому что около полугода онъ не показывался и никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Но

онъ вдругъ явился цѣль и невредимъ, и разъяснилось, что ранняя весна захватила его въ такихъ болотистыхъ мѣстахъ, что никакими способами, придуманными для передвиженія людей, не могъ онъ выбраться изъ одного поселенія до самаго лѣта, когда болота просохли и можно было высвободиться изъ этого неожиданнаго заточенія.

Тамъ же почтенный судья приобрѣлъ и археологическій памятникъ глубочайшей древности, зубъ мамонта, котораго остатки выкопаны были въ болотѣ гдѣ-то близъ Припети, у Давыдъ-городка. Я съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ эту великую въ тѣхъ странахъ рѣдкость и имѣю право заявить, что если бы какому ученому обществу желательно было разсмотрѣть эту рѣдкость, то она могла бы быть прислана для изслѣдованія, и я уполномоченъ дать адресъ ея владѣльца.

А что же дѣлается въ срединѣ этого города, опоясаннаго такими выдающимися окраинными пунктами? Неужели все тишь, да гладь? О, нѣтъ! Изъ подъ покрова всеобщей тишины и спокойствія, тутъ прежде всего пробиваются самыя современныя проявленія петербургской цивилизаціи. Вдругъ пронесется легкая кавалерія женщинъ и мужчинъ, весьма оригинальная въ дамской своей части. Дамы наѣздицы добыли себѣ дамскія сѣдла, но шить верховой дамской одежды не признали нужнымъ, а просто садятся на лошадей въ обычныхъ платьяхъ и завѣшиваются большими платками. Придуманно весьма остроумно, практично и очень живописно. Осенью и зимой, говорятъ, происходятъ усердные плясы и даже сценическія представленія игриваго характера, впрочемъ, съ благотворительной цѣлью. Поклоненіе петербургскому вліанію здѣсь такъ сильно и поклонниковъ такъ много, что даже весь городъ почувствовалъ на себѣ вліаніе этого новаго культа, — порѣшилъ жить впередъ по петербургскому времени и перевелъ впередъ свои часы вопреки не только своей географіи, но и тихому складу жизни главной массы своего населенія. Карты, само собою разумѣется, тиранствуютъ, независимо ни отъ времени года, ни отъ способа счисленія времени, и даже молодой латинскій ксендзь, обладающій большою выдержкой въ своей церковности (служить ежедневно) и, говорятъ, очень сурово относящійся къ покушеніямъ нѣкоторыхъ своихъ богомолокъ расширить его паствы дальше каноническихъ предѣловъ, даже и онъ вынужденъ поддаваться об-

щему течению, и иногда дуется въ карты съ чиновниками, но, кто знаетъ?—можетъ быть, и тутъ *ad majorem Dei gloriam*. Ксендзы всегда загадочны, особенно молодые.

Впрочемъ, и въ столь веселой и падкой на моду серединѣ этого города существуютъ серьезныя и самобытныя проявленія цивилизаціи.

Есть, на примѣръ, въ этомъ городѣ одинъ, довольно уже пожилой мѣщанинъ, который не хочетъ знать не только никакихъ проблесковъ современной петербургской цивилизаціи, но и никакихъ потаповскихъ временъ и имъ подобныхъ, а весь живетъ во временахъ Муравьева, Кауфмана и глубоко вѣритъ въ ихъ строительную силу и теперь и въ будущемъ. На него произвело неизгладимое, проникшее все его существо, впечатлѣніе то величіе, въ которое облечлось въ муравьевскія и ближайшія къ нимъ времена православіе въ ихъ городѣ. Была тамъ до послѣдней польской смуты единственная и притомъ старая, деревянная церковь, а теперь два большихъ каменныхъ храма, и деревянная церковь тоже существуетъ, какъ памятникъ прежняго смиренія православія и показатель настоящаго его величія.

Исторія этой перемѣны, столь сильно подѣйствовавшая на этого мѣщанина, достойна вниманія и нашихъ читателей. Извѣстно, что передъ послѣдней польской смутой поляки обнаруживали лихорадочную дѣятельность по всѣмъ частямъ строительства будущаго польскаго государства отъ моря до моря. Теперь уже дознано, что они съ этой именно цѣлю въ Петербургѣ приготовили даже новое изданіе польскаго свода законовъ. Само собою разумѣется, что и костелы ихъ, особенно въ западной Россіи, должны были облечься въ надлежащее благолѣпіе къ тому времени, когда, по расчетамъ польской фантазіи, должно было послѣдовать возстановленіе мечтательнаго польскаго государства и подобающее славословіе во все органы и тимпаны въ костелахъ. По всей западной Россіи обыкновенно такъ случалось, что, гдѣ былъ очень старый, деревянный костелъ, тамъ онъ горѣлъ и на мѣстѣ его воздвигался каменный, болѣе или менѣе величественный. Такъ случилось и въ томъ городѣ, на этнографической границѣ бѣлоруссовъ и малоруссовъ. Старый костелъ сгорѣлъ и на его мѣстѣ поляки стали воздвигать громадный, величественный каменный храмъ у самой площади противъ скромной православной деревянной церкви, что въ той странѣ почти съ

сплошнымъ православнымъ населеніемъ должно было производить подавляющее впечатлѣніе. По поляки и тутъ перебрали мѣрку, слишкомъ ужъ отдались своей широкой фантазіи. Подоспѣла раньше времени смута, послѣдовало усмиреніе ея: и энергія и денежные ресурсы поляковъ пали, а громадный костель далеко еще нестроенъ, выведены только стѣны, да и то не совсѣмъ. Тогда строители обратились къ Муравьеву съ предложеніемъ принять недостроенное латинское зданіе для православной церкви. Но старый знатокъ польскихъ хитростей ясно видѣлъ, въ чемъ тутъ дѣло. Онъ отвергъ польское предложеніе и немедленно ассигновалъ деньги на постройку въ этомъ городѣ каменнаго храма, каковой и выстроенъ весьма основательно и служить соборнымъ храмомъ этого города. Послѣ Муравьева поляки однако уладили дѣло, передали православнымъ свое зданіе довольно выгодно (оно достроено весьма неврасиво), а себѣ выстроили каменный костель посромнѣе въ другомъ мѣстѣ, которое мы уже описали и которое еще тѣмъ замѣчательно, что оно и на окраинѣ города и очень близко къ серединѣ его.

Мѣстный ревнитель, о которомъ мы говоримъ, не знаетъ или тоже знать не хочетъ этой сложной исторіи, а просто торжествуетъ, что теперь у нихъ не одинъ, а три православныхъ храма, косо смотритъ онъ даже на скромный латинскій костель и, мало того, даже еще мечтаетъ о томъ будущемъ, когда и этотъ костель, за отсутствіемъ въ городѣ латинянъ, сдѣлается православнымъ храмомъ. Это будущее онъ разгадываетъ посредствомъ весьма глубокомысленныхъ соображеній и прибѣгаетъ даже къ статистическимъ исчисленіямъ. Онъ крѣпко стоитъ за нашъ русскій законъ о смѣшанныхъ бракахъ и глубоко вѣритъ въ его всепобѣждающую силу. Поэтому онъ серьезно радуется всякому браку между православными и латинянами и даже заботливо разглядываетъ, гдѣ еще слѣдовало бы быть смѣшанному браку. Онъ, напримѣръ, видитъ, что у его согражданина латинянина четыре дочери, и соображаетъ, что если онѣ выйдутъ замужъ за латинянъ, то черезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ будетъ очень большое латинское поколѣніе, и будетъ умноженіе латинства; а если онѣ выйдутъ за православныхъ, то все это большое поколѣніе будетъ православное, и закрытіе въ ихъ городѣ латинскаго костела ускорится.

На основаніи свѣдѣній, собранныхъ мною въ это путешествіе по западной Россіи, я могу заявить, что, не смотря на страшное и

долговременное послѣ Муравьева и Кауфмана разрушеніе въ этой странѣ лучшихъ началъ и преданій тамошней русской жизни, тамъ во всѣхъ православныхъ мѣстностяхъ есть и въ простомъ народѣ подобныя ревнители, глубоко слагающіе въ своихъ сердцахъ русскія, православныя радости и скорби, и случись тамъ опять какая-либо бѣда, подобная прежнимъ польскимъ смутамъ, и всѣ эти ревнители встанутъ какъ одинъ человѣкъ и беззавѣтно отдадутъ себя на защиту русскаго, православнаго блага.

Есть тамъ, понятно, и ревнители латино-польскихъ интересовъ. Въ то самое время, какъ я собиралъ свѣдѣнія о вышеуказанномъ русскомъ ревнителѣ, мнѣ случилось бесѣдовать съ однимъ, весьма умнымъ и весьма образованнымъ полякомъ. Я всегда дорожилъ такими бесѣдами и доводилъ рѣчь до самыхъ откровенныхъ объясненій. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ мой собесѣдникъ высказалъ жалобу, что въ такой просвѣщенный вѣкъ они, поляки, стѣснены даже въ свободѣ совѣсти. «Какъ стѣснены вы? возразилъ я. Да вы больше въ этомъ свободны, чѣмъ мы русскіе. Вы можете свободно оставаться въ латинствѣ, можете свободно принять православіе, можете даже принять протестанство, когда заберетесь въ наши балтійскія области; а мы русскіе, какъ вы знаете, не имѣемъ такой свободы: значить, можно думать, что вы собственно хлопчете о насъ, хотите, чтобы мы имѣли свободу принимать латинство? Въ такомъ случаѣ предоставьте намъ самимъ рѣшить это дѣло и сперва разузнайте, пожелаемъ ли мы сами вашей свободы совѣсти». Было совершенно ясно, что такая комбинація не приходила въ голову моему собесѣднику; но справедливость требуетъ сказать, что онъ имѣлъ въ виду не весь этотъ вопросъ, а только ту его часть, что латиняне въ западной Россіи стѣснены въ правахъ государственной службы. Тогда я указалъ моему собесѣднику, почему они сами не противодействуютъ вторженію въ ихъ мѣстную церковь иезуитства, съ которымъ невозможно же ужиться на русской землѣ, и почему сами они не позаботятся, чтобы ихъ западно-русское латинство, хотя въ прибавочной своей части, облеклось въ формы русскаго языка. При этихъ двухъ условіяхъ стала бы пролагаться дорога къ ихъ правамъ государственной службы и на мѣстѣ.

Наконецъ, большая внутренняя работа идетъ и въ средѣ тамошняго жидовства, сначала поразившаго меня своимъ необычайнымъ для жидовъ спокойствіемъ. Не знаю, по примѣру ли поляковъ или

независимо отъ нихъ, тамошніе жидаы тоже задумали было воздвигнуть новую синагогу, достойную ихъ силы и значенія, и начали было уже строить, вывели фундаментъ, но вдругъ остановили строеніе, которое и теперь такъ остается въ видѣ одного фундамента. Выяснилось, что историческая ихъ аристократія сильно обѣднѣла и не можетъ нести большихъ издержекъ на новую синагогу, а между тѣмъ хочетъ и въ новой синагогѣ занимать первыя мѣста, какъ было прежде. Новая денежная аристократія, на которую падали главнѣйшіе расходы по этому строенію, заявила напротивъ притязаніе самой занять эти первыя мѣста, а старую, обѣднѣвшую аристократію помѣстить сзади себя на второстепенныхъ мѣстахъ. Изъ-за этого между тамошними жидами произошла такая смута, что они бросили строить новую синагогу и распредѣлились по отдѣльнымъ молитвеннымъ домамъ, изъ которыхъ иные тоже, что синагоги.

Но раздоры и разъединеніе между тамошними жидами пошли гораздо дальше. Изъ бесѣды съ однимъ почтеннымъ жидомъ я неожиданно узналъ, что и у нихъ молодое поколѣніе отбилась отъ рукъ старыхъ людей, что прежде старые легко и просто справлялись съ своими непокорными юношами,—призвать въ синагогу и запросто дадутъ весьма чувствительное внушеніе, которое мой собесѣдникъ и описалъ весьма оригинально, но неудобно для печати; а теперь, пояснилъ онъ, и въ синагогѣ ничего съ ними нельзя подѣлать; напротивъ, ихъ юные либералы и въ самой синагогѣ производятъ безчиніе. Во время самага богослуженія ходятъ, шумятъ и даже курятъ. Я рѣшительно не хотѣлъ вѣрить этому разсказу и сталъ провѣрять его въ бесѣдѣ съ другими жидами. Но и другіе жидаы говорили тоже. Я рѣшился самъ провѣрить это необычайное показаніе, и однажды зашелъ во время жидовскаго богослуженія въ самый большой ихъ молитвенный домъ, оказавшійся настоящею синагогой. По срединѣ возвышеніе, съ котораго канторъ читалъ нараспѣвъ и пѣлъ разныя вещи по чину еврейскаго устава. Старые жидаы, сидѣвшіе на скамьяхъ, расположенныхъ кругомъ возвышенія на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, отвѣчали ему тоже рецитативомъ и пѣніемъ, а на свободномъ пространствѣ жидовская мужская молодежь устроила гулянье кругомъ возвышенія,—ходила себѣ, разговаривала, толпилась у входа, не обращая никакого вниманія на совершающееся богослуженіе. Я дался диву. Никогда ничего по-

добнаго я не видывалъ въ жидовскихъ синагогахъ, когда заходилъ въ нихъ въ прежнія, старыя времена. Значить, даже жидовство разлагается въ нынѣшнія разрушительныя времена. Вспомнились мнѣ при этомъ отдѣльные подобные случаи въ другихъ мѣстахъ, освѣтившіеся теперь новымъ свѣтомъ. Въ одномъ, на примѣръ, городѣ при мнѣ приставъ докладывалъ исправнику, что мѣстный банкиръ сломалъ себѣ ногу. «Какъ, гдѣ сломалъ?» спросилъ исправникъ пристава. «Выскочилъ изъ синагоги черезъ окошко и сломалъ ногу», отвѣтилъ приставъ. «Зачѣмъ выскочилъ изъ окошка?» невольно вмѣшался я, когда увидѣлъ, что исправникъ дальше не спрашиваетъ. «Видите ли», сказалъ приставъ, «у нихъ тамъ, въ синагогѣ вышла большая смута между хасидами (послѣдователями цадиговъ) и ихъ противниками изъ-за новой бани, которую одни рѣшили строить, а другіе не соглашались. На одной изъ этихъ сторонъ, оказавшейся меньшинствомъ, стоялъ этотъ банкиръ, и ему пришлось такъ жутко, что онъ счелъ за лучшее выскочить черезъ окошко, и сломалъ ногу». «Теперь у нихъ», прибавилъ приставъ, «въ синагогахъ то и дѣло смуты. Запрутъ двери, и просто бѣда, что тамъ дѣлается. Мы уже не входимъ туда и не вмѣшиваемся въ то, что тамъ дѣлается, а смотримъ только, чтобы они на улицу не выносили своихъ раздоровъ».

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ рассказывали даже такія необычныя вещи. Въ м. Долгиново, гдѣ нынѣшней весной послѣдовалъ первый въ Бѣлоруссіи и совершенно неожиданный разгромъ жидовъ, которому предшествовало загадочное исчезновеніе въ этомъ мѣстечкѣ крестьянскаго мальчика, оказавшагося затѣмъ убитымъ тоже весьма загадочно, пріѣхалъ будто бы, еще до этого убійства, цадикъ. Говорятъ, онъ былъ возмущенъ образомъ жизни тамошнихъ жидовъ и будто бы объявилъ имъ, что страшныя ихъ беззаконія могутъ быть смыты только христіанскою кровію. Хотя отъ цадиковъ всего можно ожидать, но очень можетъ быть, что такихъ вещей цадикъ, бывшій въ Долгиновѣ, не говорилъ. Несомнѣнно, однако, что во внутреннихъ жидовскихъ смутахъ сами ли цадики, или ихъ приверженцы вездѣ стоятъ впереди.

Но замѣчательно, что при всѣхъ смутахъ и при какомъ угодно разложеніи въ жидовской средѣ, какъ только у нихъ возникнетъ вопросъ дѣйствовать противъ христіанъ, такъ всѣ жида дѣйствуютъ за одно,—и ретрограды, и либералы, и ревнители талмуда, и

разнузданные нарушители его. Это лучше всего доказываетъ, что въ талмудизмѣ вѣра — второстепенная статья, а главная, первая — социальная, антигосударственная корпоративность жидовъ.

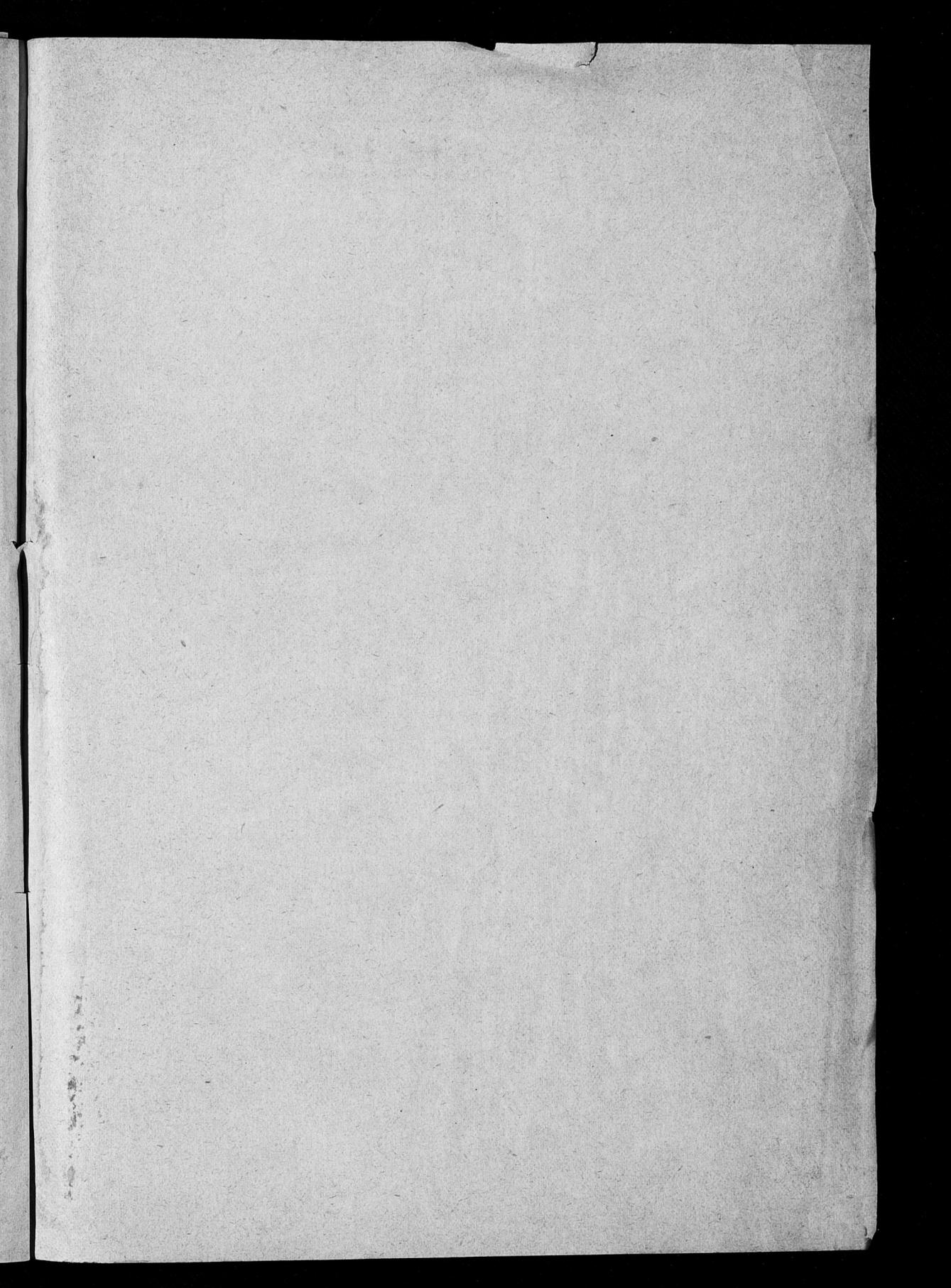
Въ западной Россіи и говорятъ наблюдательные и неподкупные для жидовъ русскіе люди, что, вмѣсто всякихъ разсужденій и проектовъ о правахъ жидовъ, слѣдовало бы прежде всего разбить эту незаконную и обманную, социальную, антигосударственную скорлупу, въ которую жида запрятали свою оскудѣвшую долю религіи, хотя всегда и всюду кричать о вѣрѣ; что слѣдовало бы объявить талмудизмъ зловредною, нетерпимою вѣрою со всеми послѣдствіями такого объявленія, какъ это дѣлается съ крайними раскольническими сектами; что тогда стала бы трескаться эта ужасная скорлупа, и лучшіе жида стали бы свободнѣе бросать талмудическую корпоративность и чаще переходить въ православіе. При этомъ указанные наблюдатели жидовства еще говорятъ, что для жидовъ, особенно для жидовокъ у насъ слишкомъ длиненъ и труденъ процессъ перехода ихъ въ православіе, и указываютъ на заурядныя явленія, что жида, желающіе принять православіе, сперва переходятъ въ протестантство, а затѣмъ уже въ православіе, причемъ многіе изъ нихъ на этомъ пути останавливаются и остаются въ протестантствѣ, чѣмъ усиливаютъ и безъ того у насъ сильный нѣмецкій элементъ, съ которымъ жида близки и въ самомъ жидовствѣ. Но все это такіе сложные и трудные у насъ вопросы! Я ихъ только выслушивалъ съ внимательностію, которой они вполне заслуживаютъ, а въ разъясненіе ихъ не могъ входить и теперь не вхожу.

М. Нояловичъ.

Изъ № 5 и 6 „Цер. Вѣстн.“ 1887 г.

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая, домъ № 36.

1870
JAN 10 1870
M. J. KAPLAN